

Правовые и политические аспекты управления
Legal and political aspects of public administration

УДК 930

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104-2024-107-121

Рецензия на книгу В.М. Зубока «Коллапс. Гибель Советского Союза»

Волгин Евгений Игоревич

Кандидат политических наук, SPIN-код РИНЦ: 1885-0532, ORCID: 0000-0002-9690-448X, plytony@yandex.ru

Исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению монографии профессора Лондонской школы экономики и политических наук В.М. Зубока «Коллапс. Гибель Советского Союза», изданной в России в 2023 году. Поскольку в последние годы число работ, посвященных данной проблематике, заметно снизилось, появление столь объемного труда является важным научным событием. Задача данной статьи-рецензии заключается в том, чтобы определить вклад автора в раскрытие проблемы союзной дезинтеграции. Монография рассматривается в общем контексте современной научной литературы, посвященной распаду СССР. В основе экспертной оценки лежат следующие критерии: научная объективность, характер использованных источников и литературы, структура изложения и общий замысел работы. На основании проведенного анализа монографии В.М. Зубока можно заключить, что данная работа представляет собой фундаментальное историко-политологическое исследование. Автор использует значительное количество разнообразных (во многом уникальных) источников, при этом делая упор на материалы личного происхождения (мемуары, интервью). Это помогает понять субъективные (скрытые) механизмы принятия тех или иных судьбоносных решений. Наиболее удачной стороной исследования является комплексное рассмотрение экономических, политических, национальных процессов, протекавших в СССР накануне его распада, с учетом влияния внешнеполитического фактора. Главную причину гибели СССР В.М. Зубок видит в крайне неудачных реформах, не подходящих для советского государства, с учетом уникальности и специфики последнего. Помимо просчетов высшего партийно-государственного руководства, большую ответственность за гибель СССР автор возлагает на «западных партнеров» М.С. Горбачева (прежде всего — США), которые при желании могли спасти гибнущий СССР с помощью предоставления масштабной финансово-экономической помощи. Однако, как доказывает автор, Запад не собирался этого делать, терпеливо наблюдая коллапс своего стратегического противника. В этом свете исследование В.М. Зубока позволяет лучше понять современную политику России, которая стремится не повторить ошибок перестройки.

Ключевые слова

В.М. Зубок, М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин, Дж. Буш, Дж. Бейкер.

Для цитирования

Волгин Е.И. Рецензия на книгу В.М. Зубока «Коллапс. Гибель Советского Союза» // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 104. С. 107–121. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104-2024-107-121

Review of the Book by V.M. Zubok “Collapse. The Fall of the Soviet Union”

Evgeniy I. Volgin

PhD, ORCID: 0000-0002-9690-448X, plytony@yandex.ru

Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article considers the monograph by professor of the London School of Economics and Political Sciences V.M. Zubok “Collapse. The Fall of the Soviet Union” published in Russia in 2023. Considering that in recent years the number of works devoted to this issue has noticeably decreased, the appearance of such a thorough study is an important scientific event. The purpose of this article is to determine the author’s contribution to uncovering the problem of the USSR collapse. This monograph is considered in the general context of modern scientific issues devoted to the collapse of the USSR. The expert assessment is based on the following criteria: scientific objectivity, the nature of the sources and literature used, the structure of presentation and the general intent of the work. Based on the analysis of the V.M. Zubok’s monograph, it can be concluded that this work represents a fundamental historical and political science study. The author uses a huge number of diverse (and in many ways unique) sources, while focusing on personal materials (memoirs, interviews). This approach helps to understand the subjective (hidden) mechanisms of making certain fateful decisions. The undoubted advantages of the study include a comprehensive consideration of the economic, political, and national processes that took place in the late USSR, considering the foreign policy factor that influenced the fate of the Soviet Union. The main reason for the fall of the Soviet Union according to V.M. Zubok are reforms that were extremely unsuccessful and not suitable for the Soviet state, given the uniqueness and specificity of the country. In addition to the mistakes of the top leadership, the author places great responsibility for the fall of the USSR on the “Western partners” of Gorbachev (primarily the USA). The George W. Bush administration could, if it wanted, save the USSR by providing large-scale financial and economic assistance. However, as the author proves, the United States did not intend to do this, patiently watching the collapse of its strategic enemy. Therefore, Zubok’s study helps to better understand the meaning of modern Russian policy aimed at not repeating the mistakes of perestroika.

Keywords

V.M. Zubok, M.S. Gorbachev, B.N. Yeltsin, G. Bush, J. Baker.

For citation

Volgin E.I. (2024) Review of the Book by V.M. Zubok “Collapse. The Fall of the Soviet Union”. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 104. P. 107–121. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104-2024-107-121

Введение

Несмотря на то, что с момента распада СССР прошло уже более тридцати лет, интерес к этому событию не угасает. Среди недавно вышедших исследований стоит выделить материалы второй Всероссийской конференции «Ветер Перестройки — 2022» (Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г.) [Ветер Перестройки 2023]. Авторы вошедших в это издание статей затрагивают широкий спектр сюжетов как позднесоветской, так и постсоветской истории. Стоит также обратить внимание на книгу «Причины распада СССР: вопросы методологии исследования» [Маслов и др. 2022]. Работа разделена на две части. В первой речь идет об основных факторах (социально-экономических, национально-государственных и партийно-политических) интеграции и дезинтеграции в истории Союза ССР. Вторая часть непосредственно посвящена теоретико-методологическим проблемам исследования причин распада СССР. Можно отметить работу Н.Н. Ефимова «Распад СССР: 1991 год». Автор делает акцент на попытках советской армии и ее генералитета предотвратить крушение союзного государства [Ефимов 2021]. Среди зарубежных исследователей несколько особняком стоит книга С. Гуанпана «Развал СССР и КПСС: взгляд китайского ученого» [Гуанпан 2022]. Эта работа (в силу понятных причин) написана больше с партийных, чем с научных позиций.

На этом фоне появление в России фундаментального исследования В.М. Зубока «Коллапс. Гибель Советского Союза» [Зубок 2023] является значимым историографическим событием (впервые эта книга была издана в США в 2021 [Zubok 2021]). Заслуживает внимания фигура самого автора. Владислав Мартинович Зубок — известный историк, окончивший истфак МГУ. С 1990-х гг. преподает в США. В настоящее время является профессором Лондонской школы экономики и политических наук. В.М. Зубок — автор фундаментальных книг о советской внешней политике и холодной войне, среди которых: «Неудавшаяся империя. Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева» [Зубок 2011], «Внутри холодной войны Кремля: от Сталина до Хрущева» [Zubok, Pleshakov 1997].

Задача настоящей статьи — рассмотреть монографию В.М. Зубока «Коллапс. Гибель Советского Союза» с тем, чтобы оценить вклад автора в раскрытие глобальной историографической проблемы, обозначенной в названии. Монография рассматривается в общем контексте современной научной литературы, посвященной распаду СССР.

Стоит отметить, что исследование В.М. Зубока посвящено не столько истории самой перестройки, сколько периоду, связанному именно с агонией СССР (1990–1991). Учитывая, что объем русскоязычного издания превышает 600 стр., даже не читая книгу, понимаешь, с какой тщательностью и скрупулезностью описаны последние годы и месяцы жизни Союза ССР. Источниковая база исследования впечатляет. Сюда включены материалы российских и зарубежных архивов, опубликованные и (что особенно ценно) неопубликованные мемуары и дневники непосредственных участников событий, интервью, которые автор взял у советских и зарубежных государственных и общественных деятелей. Но особенно ценными кажутся рассекреченные материалы зарубежных внешнеполитических ведомств. Библиография представлена книгами и статьями отечественных и зарубежных (англоязычных) исследователей перестройки.

Автор не пытается сохранить интригу на всем протяжении повествования, а четко формулирует свою позицию в самом начале исследования: «Неумышленное разрушение советской экономики и финансов теми, кто ее реформировал, — самое убедительное объяснение и, по-видимому, главная причина распада СССР» [Зубок 2023, 25]. Таким образом, исследователь утверждает, что в основе крушения советского государства лежали именно неудачные реформы, нежели злой умысел М.С. Горбачева (с другой стороны, известная фраза одного французского деятеля: «Это больше, чем преступление, это ошибка» в этой связи не теряет своей актуальности). Вообще, по характеру

изложения, подаче материала, а также обилию использованных источников книга В.М. Зубока напоминает фундаментальный труд С. Плохия «Последняя империя. Падение Советского Союза», изданный в 2015 г. на Западе [Ploky 2015], а затем ставший доступным для русскоязычной аудитории [Плохий 2016] (сам Зубок неоднократно ссылается на книгу своего коллеги). Оба автора не всегда придерживаются строгой историко-хронологической последовательности, больше опираясь на проблемный подход.

Роковые реформы (1987–1989)

Именно так в книге обозначены экономические и политические новации М.С. Горбачева, после проведения которых Советский Союз «свалился» в глубокое историческое пике. В целом нельзя сказать, что негативная оценка автором «горбачевского НЭПа» сильно разнится с критическими суждениями, которые встречаются в литературе. Однако В.М. Зубок выделил одну немаловажную деталь, которую зачастую игнорировали другие исследователи. Экономическая либерализация (в том числе появление кооперативных банков при госпредприятиях) пробил большую неконтролируемую брешь в финансовой системе СССР, где «нал» и «безнал» всегда были отделены друг от друга непроницаемой перегородкой. Более того, Зубок считает, что именно «финансовый некролог» СССР лучше всего рассказывает историю его крушения. Например, если в 1986–1987 гг. когда правительство впервые столкнулось с проблемой дефицита бюджета, эмиссия Минфина не превышала 6 млрд, то на исходе 1991 г. она превысила 93 млрд руб. Государство, не способное обеспечить стабильность своей валюты, было обречено на распад. Не ускользают от внимания исследователя и другие экономические проблемы (невозможность для советского сверхиндустриального и почти полностью огосударственного народного хозяйства повторить «китайское экономическое чудо», отложенная реформа цен и т. д.). Автор указывает, что с начала 1989 г. Горбачев утратил интерес к экономике, полностью переключившись на грядущую политическую реформу [Зубок 2023, 519, 106]. Что ж, «дурная привычка» не доводить до конца начатое, водившаяся за генсеком еще в его бытность руководителем Ставропольского края, стала фатальной для всего Союза, ввергнутого в череду судьбоносных преобразований.

Не менее критично автор оценивает политические новации М.С. Горбачева. «Идея Горбачева, — пишет В.М. Зубок, — поражала своим размахом: вернуть российский коммунизм на исходную точку его прихода к власти и перенаправить великий эксперимент в демократическое русло» [Там же, 65]. Действительно, если экономические нововведения в той или иной степени имели некоторые аналоги в советской истории (НЭП, косыгинская реформа), то политическая реформа сама по себе являлась беспрецедентным и крайне опасным экспериментом. При этом автор обратил внимание на тот факт, что в ходе демократизации «архитектор перестройки» игнорировал создание органов сильной исполнительной власти [Там же, 66]. С другой стороны, быть может, Горбачев, твердивший о незыблемости однопартийной системы, просто не видел смысла в усилении исполнительной власти. Однако Съезд народных депутатов, как метко подметил автор, «сделал политическую власть в СССР прозрачной и свел ее к числу голосов». Тем самым в глазах советских людей она потеряла свою страшную тайну [Там же, 116]. Сама же двухуровневая система советского парламентаризма, считает Зубок, сделала СССР неуправляемым, а после его распада эта же модель едва не поставила саму Россию на грань краха, ввергнув ее в конституционный кризис: «Только насильственная отмена горбачевской системы Советов... Ельциным в октябре 1993 г. дала возможность стабилизировать конституционный порядок» [Там же, 67]. Подобные наблюдения позволяют по-новому взглянуть на причины политического кризиса 1993 г.

«Рукотворный» национализм

Гласность и демократизация на фоне ухудшения социально-экономической ситуации привели к началу открытого внутривнутриполитического противостояния, которое в союзных республиках приобрело форму открытого национал-сепаратизма. Основное внимание автора приковано к ситуации в Прибалтике, где с 1987 г. появились первые признаки национализма, носителем которого, впрочем как и в остальных республиках, стала местная интеллигенция. Однако Горбачев, по мнению В.М. Зубока, видел в «национальной» интеллигенции не угрозу, а скорее союзника для реализации своих планов. Здесь, очевидно, следует добавить, что подобная иллюзия могла возникнуть у «просвещенного генсека» вследствие обожания последнего со стороны столичной либеральной интеллигенции (но лишь до того момента, пока она не избрала своим кумиром Ельцина). В целях предотвращения этнических конфликтов горбачевское руководство подхватило идею создания народных фронтов «в поддержку перестройки», основу которых составили представители местных неформалов. Камуфлируя свои сепаратистские устремления за перестроечной риторикой, прибалтийские националисты очень быстро подчинили обновленные республиканские партийные структуры борьбе за выход из СССР. Вскоре опыт национальной мобилизации в Прибалтике был успешно апроприирован другими союзными республиками: от России, Украины и Белоруссии до Закавказья и Средней Азии.

Возможным преодолением кризиса советской этнофедерации могло стать подписание нового Союзного договора (СД). Идея «перезагрузки» СССР была впервые озвучена прибалтами и, как пишет автор, первоначально поддержана Горбачевым. Однако после известной акции «Балтийский путь» генсек отложил эту идею в долгий ящик и вернулся к ней только через год [Там же, 129]. Здесь стоит добавить, что решающее значение, повлиявшее на решение Горбачева вернуться к идее СД, стало принятие Россией Декларации «О государственном суверенитете», после чего почва стала в буквальном смысле уходить из-под генсека-президента. Но время было упущено, а если учесть, что реально к выработке Союзного договора Горбачев и республиканская элита приступят лишь в апреле 1991 г., когда переговорные позиции федерального центра были значительно ослаблены, то о каком сохранении Союза ССР могла идти речь?

Российский фактор

Ослабление федерального центра неминуемо заставило вспомнить о своем «униженном положении» в составе Союза государствообразующую республику. Подобные настроения в России изначально также ретранслировались представителями творческой интеллигенции (писателями В.Г. Распутиным и А.И. Солженицыным, филологом Д.С. Лихачевым) и были использованы политиками-популистами типа Б.Н. Ельцина, занявшего пустовавшее место «русского царя». Именно ельцинский вариант лег в основу Декларации «О государственном суверенитете РСФСР». Автор характеризует этот документ как самое поразительное решение, принятое парламентским голосованием, где консервативный национализм сочетался с идеей построения демократии. Позже с подачи Ельцина российский Съезд принял техническое, но поистине революционное постановление, которое позволило российским республиканским министерствам, до того момента чисто декоративным учреждениям, взять под контроль экономические активы на территории РСФСР. По сути, это стало объявлением политической и экономической войны союзному центру [Там же, 173].

В.М. Зубок не акцентирует внимание на конкретных нормативных актах, которые составили содержание так называемой войны законов, развернувшейся между союзным центром и российской администрацией после принятия Декларации. Ничего не говорится также об «убийственном»

для РСФСР союзном законе от 26 апреля 1990 г. «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации», который консолидировал депутатский корпус вокруг радикального (ельцинского) варианта Декларации о суверенитете. Впрочем, историко-политологическому исследованию простительно избегать строгих юридических подробностей.

«Восемь пунктов» Горбачева как альтернатива рыночной экономике

Декларация «О государственном суверенитете РСФСР», а также избрание Б.Н. Ельцина Председателем ВС РСФСР, как утверждает В.М. Зубок, закрыли окно возможностей, которое появилось у Горбачева после его избрания Президентом СССР. Ответом на эти действия могло стать лишь принятие спасительной экономической чудо-стратегии, способной кардинально переломить кризисную ситуацию. Как раз в этот момент Горбачеву «подвернулась» экономическая программа Г. Явлинского, которая впоследствии получила название «500 дней» и стала альтернативой правительственной программе (Н.И. Рыжкова — Л.И. Абалкина) перехода к рынку. Зубок соглашается с биографом Горбачева У. Таубманом, который считает, что советский лидер поддержал «500 дней» скорее от безысходности, чем из холодного расчета [Taubman 2017, 528].

При этом автор отнюдь не склонен превозносить программу «500 дней», как это делали в те годы российские «демократы». Напротив, В.М. Зубок считает, что экономисты сделали огромную уступку национализму, записав в своей программе, что основным субъектом регулирования экономики являются союзные республики, тогда как для Рыжкова и Абалкина основными акторами рыночной экономики должны были стать союзные министерства. Экономическая дискуссия, переросшая в политическое противостояние между союзными лоббистами (премьером Н.И. Рыжковым, председателем Госплана СССР Ю.Д. Маслюковым, председателем ВС СССР А.И. Лукьяновым) и ельцинской администрацией, закончилась ничем: Горбачев так и не сделал выбор. В то же время Зубок считает, что в такой нерешительности была своя логика: без центрального правительства президент остался бы один на один с пятнадцатью республиками, а в советской экономике, где все основные отрасли строились как централизованные конгломераты, воцарился всеобщий хаос [Зубок 2023, 197].

Но если бы, допустим, Г. Явлинский «не смутил» тогда Горбачева своей «соблазнительной» программой, тогда, быть может, советское правительство приступило к строительству номенклатурного капитализма и судьба Союза могла быть совсем иной. Впрочем, в те годы стратегию «рыночного прорыва» не разрабатывал только ленивый, поэтому, не будь Явлинского, альтернатива его концепции все равно бы нашлась. Например, свою программу реформ (о которой весьма комплементарно отзывается автор) разрабатывал академик Н.Я. Петраков. Другое дело, что при любой альтернативе результат (вернее — его отсутствие) выглядел бы точно так же. И это неудивительно, ибо даже Ельцин, о чем повествует далее автор, осенью 1991 г. далеко не сразу принял план радикальной экономической либерализации, предложенный Гайдаром и Бурбулисом. После бесплодных экономических дискуссий на повестку дня встал вопрос об использовании непопулярных мер в целях спасения страны. Однако и в этом вопросе также было необходимо слово президента, который продолжал колебаться. В итоге Горбачев под давлением «ястребов» предложил IV Съезду (который ошибочно обозначен в книге как V внеочередной) свои знаменитые «восемь пунктов». По сути, жизненно необходимые экономические преобразования подменялись административными мерами, которые заключались в усилении президентской власти. Здесь хочется обратить внимание на одну любопытную закономерность: чем больше Горбачев аккумулировал полномочий, тем сильнее разваливалась страна. Впрочем, подобный феномен вполне объясним: власть все больше концентрировалась в руках человека, не способного признавать свои ошибки и, как следствие этого, принимать трудные, но при этом необходимые в целях исправления ситуации решения.

«Павлов день»

Говоря о кадровых решениях М.С. Горбачева, принятых после отставки правительства Рыжкова, В.М. Зубок останавливается на фигуре нового премьер-министра В.С. Павлова. Несмотря на то, что народ отнесся к первому (и последнему) главе Кабмина СССР иронично, прозвав его «ежиком в тумане», автор «Коллапса...» изображает Валентина Павлова как холодного профессионала и жесткого администратора, лишённого властных амбиций, но при этом верящего в свою способность спасти союзное государство. Основной тезис, от которого отталкивался новый премьер, сводился к необходимости восстановления государственного контроля над денежной массой. Так, по настоянию Павлова был введен 20%-ный налог с предприятий, позволивший изъять крупную наличность из теневого оборота. Конечно, реформа не могла спасти советскую экономику, тем не менее помогла правительству отсрочить финансовый крах.

Кроме того, Павлов не поддавался на шантаж бастующих шахтеров, отказавшись сесть с их представителями за стол переговоров, пока те не возобновят работу. Он даже отклонил предложение Горбачева найти деньги на умиротворение бастующих путем повышения зарплат (к слову, в 1989 г., когда по стране прокатились первые забастовки горняков, правительство выделило отрасли 1 млрд руб.). Председатель Кабмина пошел дальше: с одобрения Горбачева он объявил мораторий на все митинги в Москве в конце марта – начале апреля 1991 г. (время проведения III Съезда народных депутатов РСФСР, где планировалась отставка Ельцина). Одновременно под предлогом защиты народных депутатов РСФСР в столицу были введены войска. Однако эта демонстрация решимости в итоге обернулась фиаско: митинги, несмотря на запрет, все-таки состоялись, войска вскоре были выведены, а Ельцин вместо отставки получил на Съезде дополнительные полномочия. Но самое главное, после напряженной борьбы более двух третей депутатов, включая членов КП РСФСР, проголосовали за введение в России поста президента, назначив выборы на 12 июня 1991 г.

Борис Ельцин: всенародный президент призрачной республики

В книге упоминается о президентской кампании Б.Н. Ельцина, которая протекала в «сокращенном» режиме, что давало ему дополнительные шансы как «действующему лидеру». Впечатляющую работу проделали активисты движения «Демократическая Россия», впервые применившие западные политтехнологии в условиях все еще советской политической борьбы. Тысячи добровольцев из «ДемРоссии» участвовали в «низовой» агитации за Ельцина. Большинство, как пишет автор, были представителями бунтарской «научно-технической интеллигенции». Вообще, российское демократическое движение характеризуется в книге как «восстание специалистов», костяк которого составляли работники высокотехнологичных предприятий ВПК. Последние наивно полагали, что, избавившись от советского бюрократического гнета, смогут самостоятельно выйти на внешний рынок и зарабатывать твердую валюту. Однако гайдаровская либерализация очень быстро развеяла этот миф, заставив тысячи сотрудников оборонных предприятий осваивать менее престижные профессии. Неудивительно, что многие из них вскоре разочаруются в своем кумире и пополнят электорат В. Жириновского, который выступал оппонентом Ельцина на тех выборах. В.М. Зубок характеризует Жириновского не иначе, как «русского шовиниста», который апеллировал к низким инстинктам той публики, которая входила в электорат Ельцина, но менее образованным, агрессивным, симпатизирующим сильной руке [Там же, 299]. Конечно, нельзя сказать, что в 1990-е гг. Жириновский «дышал в затылок» российскому президенту. Тем не менее своим феноменальным успехом Владимир Вольфович был обязан именно таким политикам, как Горбачев и Ельцин, которых неистово критиковал.

Что касается Ельцина, то после своей сокрушительной победы на президентских выборах он совершил не менее триумфальный визит в США, где вызвал восторг у американского истеблишмента, обещая «отпустить Прибалтику» (!) и открыть страну для бизнеса. Дж. Буш даже был вынужден немного осадить высокого российского гостя, попросив его «сильно не раскачивать лодку», то есть «не играть» против Горбачева, с которым у американского президента сложились теплые дружеские отношения. Борис Ельцин хотя и пообещал Бушу, что «Россия твердо на стороне Горбачева» [Там же, 303], тем не менее вел свою игру.

В то же время В.М. Зубок не склонен переоценивать государственно-политический потенциал РФ. Российские власти в течение года с момента провозглашения суверенитета смогли лишь существенно нарушить работу центрального правительства и экономической системы, но при этом не создали собственных эффективных институтов, способных заменить центр. Таким образом, РФ оставалась республикой-призраком даже по сравнению с Прибалтикой, Украиной, Белоруссией или Казахстаном [Там же, 307]. Например, Банк России не обладал правом денежной эмиссии; российский МИД оставался «фиктивным» учреждением и был полностью зависим от помещений и услуг союзного МИДа; штат КГБ РСФСР, созданного в мае 1991 г., не превышал 20 человек. Да и сам Ельцин после избрания на пост президента поселился в Кремле лишь с позволения Горбачева, который выделил ему кабинет буквально через площадь от своего президентского офиса. У Ельцина также не было власти для реализации своего знаменитого указа «о департизации», с помощью которого он больше хотел впечатлить своих сторонников и весь мир [Там же, 305, 310]. Здесь хотелось бы вставить одну небольшую ремарку: отсутствие полномочных институций российской администрации с лихвой компенсировали новые республиканские СМИ, активно продвигавшие стратегию суверенизации.

Исчезающий Левиафан

Если российские государственные институты еще не стали полновластными органами, то союзные исполины (КПСС, КГБ, советская армия, ВПК), еще совсем недавно считавшиеся скрепами «советской империи», переживали свой закат. Так, союзная Компартия после XXVIII съезда превратилась в структуру без власти и стратегии. «Архитектор перестройки», по мнению автора, просто не знал, как использовать мощный политический инструмент в лице КПСС для проведения реформы, но при этом так и не научился управлять страной без участия компартии [Там же, 316].

Что касается почти четырехмиллионной армии, то она едва подходила для решения политических и межнациональных проблем. В книге приводится характерная фраза генерал-полковника В.А. Ачалова, чьи десантники не раз были втянуты в кровавые межэтнические разборки: «Расплачиваемся солдатскими жизнями за амбиции фюреров» [Там же, 225]. КГБ СССР во главе с В.А. Крючковым снабжало генсека-президента тщательно подобранной (и довольно тенденциозной) информацией, сея в его сознании подозрения по поводу своего окружения. Впрочем, считает автор, Горбачева, любившего получать от КГБ «секретные перехваты» о действиях своих политических оппонентов, такая ситуация вполне устраивала: «Советский лидер работал внутри комфортного мирка, который создавался и обслуживался КГБ, учитывая его запросы и слабости» [Там же, 230].

Что касается могучего советского ВПК, то он, по словам автора, превратился за годы реформ в «комплекс неуверенности». При этом директора оборонных предприятий отличались поразительной открытостью в общении с американскими представителями, которые стали частыми гостями на советских суперсекретных производствах. Горячее желание «оборонщиков» заключалось в том, чтобы поскорее выйти на мировой рынок. Иные, жалуясь на невнимание со стороны государства, были готовы уповать на американскую (!) поддержку, чем сильно удивили зарубежных гостей.

Ибо последние упорно доказывали своим наивным советским коллегам, что без государственной помощи их предприятиям просто не выжить, особенно во время перехода к рынку [Там же, 232–233]. Но едва ли американцы были готовы помочь своему главному конкуренту на международном рынке вооружений. Однако, читая эти строки, понимаешь, откуда в аппарате Госкомимущества РФ, которым руководил А. Чубайс, впоследствии взялись американские «специалисты» во главе с сотрудником ЦРУ Джонатаном Хэм¹.

Фатальный референдум

Всенародный плебисцит о сохранении Союза ССР 17 марта 1991 г. В.М. Зубок называет не иначе, как «кроликом», которого Горбачев внезапно извлек на Съезде. Референдум не спас союзное государство, однако сыграл ключевую роль в деле институализации президентской власти в России. Ибо далеко не все российские депутаты были готовы поддержать учреждение этого института в республике, а потому раз за разом проваливали известную инициативу Ельцина и его команды. Однако перспектива союзного плебисцита создавала исключительную возможность для российского лидера обратиться к россиянам через голову Съезда, да еще за федеральный счет. Кроме того, автор считает, что голосование за российское президентство также было направлено на сохранение территориальной целостности РФ, где, благодаря действиям союзного центра, стал проявляться национал-сепаратизм (неудивительно, что в ряде российских автономий президентский референдум не проводился). Что касается отдельных союзных республик, то здесь основной вопрос либо был «немного» скорректирован (Казахстан), либо к нему добавлялся дополнительный пункт (Украина), положительный ответ на который фактически дезавуировал утверждение о необходимости сохранения союзного государства. От себя добавим, что в не присоединившихся к союзному референдуму республиках (в Эстонии, Грузии, Армении) прошли альтернативные плебисциты, где подавляющее большинство высказалось за независимость. Но в чем автор абсолютно прав, так это в том, что эта лавина референдумов почти полностью погребла под собой стратегический проект Горбачева [Там же, 275].

Такой же пирровой победой для Горбачева стал новоогаревский процесс. Фактически союзный президент был вынужден согласиться на формулу Ельцина о «союзе суверенных государств», который тот предлагал с лета 1990 г. Встреча в Ново-Огареве, пишет В.М. Зубок, принесла Горбачеву лишь тактический успех, однако сам формат переговоров подогрел аппетиты республиканской элиты. В конечном счете Ново-Огарево стало площадкой, где республиканские правители смогли сговариваться за спиной Горбачева [Там же, 287]. Действительно, как показали дальнейшие события, идея «Беловежского саммита» впервые возникла у Ельцина и Шушкевича именно в Ново-Огареве, правда уже во время второго раунда переговоров (в ноябре 1991 г.), когда судьба Союза фактически была предрешена.

Заграница нам не поможет

Стабилизационные меры кабинета В. Павлова дали определенный эффект, однако не могли вытянуть гибнущую советскую экономику, спасти которую могло только чудо. И тут мы узнаем о новой миссии Г. Явлинского, которого, казалось бы, списали со счетов после отклонения его программы «500 дней». Однако теперь ему помогал ведущий американский политолог профессор Гарвардского университета Г. Аллисон, который совместно с Явлинским выдвинул амбициозный

¹ Сотрудниками ЦРУ, работавшими с Чубайсом, могли быть Шлейфер и Хэй // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20130425/934532721.html> (дата обращения: 31.01.2024); Источник назвал имена «агентов ЦРУ» в окружении Чубайса // Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/news/238297-istochnik-nazval-imena-agentov-tsru-v-okruzenii-chubaisa> (дата обращения: 31.01.2024); Шаповалов А., Скорлыгина Н. Гарвардские консультанты заигрались в России // Коммерсантъ. 2004. 30 июня.

проект «Большая сделка». Не вдаваясь в подробность данного предприятия, отметим, что речь шла о своего рода Плате Маршалла для Советского Союза, который подразумевал выделение СССР значительной суммы. С этим предложением Явлинский в составе советской делегации отправился в США.

Однако Дж. Буш, принявший гостей 31 мая 1991 г. (накануне саммита «Большой семерки»), недвусмысленно дал понять, что у правительства США в данный момент таких денег нет, да и на помощь G-7 советскому лидеру рассчитывать особо не стоит. Впрочем, советские гости, как пишет С.М. Зубок, особо не настаивали. А коли так, то вместо денег Буш отправил своему «другу Майклу» письмо, распечатанное с помощью его нового персонального компьютера (этим фактом американский президент, с трудом управлявшийся с современной чудо-техникой, был чрезвычайно горд). Иронично-издевательский текст послания, который приводится в книге, как нельзя лучше проясняет истинное отношение американской стороны к катастрофическому положению дел в СССР. Но гораздо более внятно позицию Штатов артикулировал министр финансов США Н. Брейди: «Превратить их [СССР — *Е.В.*] в третьестепенную державу» [Там же, 323].

Да и «благодетели» из ельцинского окружения (А. Козырев) умоляли американцев не давать деньги кабинету «реакционера» Павлова, которые пойдут «на поддержание на плаву системы, которой нужно дать утонуть». Читая эти строки, поражаешься цинизму не столько некоторых американских «политиков-ястребов» (для них коллапс главного геополитического противника был вполне желаем), сколько наших соотечественников. Впрочем, отдадим должное Бушу, который летом 1991 г. собирался на саммит в Москву не с пустыми руками. Чтобы как-то подсластить пилюлю, президент США утвердил кредит на сумму 1,5 млрд долл. на закупку Советским Союзом... американского зерна [Там же, 324, 326].

Не получив западной помощи, В. Павлов (с согласия Горбачева) был вынужден прибегнуть к внутренним заимствованиям на сумму 68 млрд руб. для закрытия дыр в бюджете. Речь шла о крупнейшем в советской истории включении «печатного станка». Кроме того, Госбанк СССР в тайне заимствовал деньги из сбережений населения, о чем стало известно лишь в последние дни существования Советского Союза. От себя добавим, что «озвучивать» эту новость уже после распада Союза пришлось правительству Гайдара, которое, по словам премьера, взяло на себя смелость «открыть дверку сейфа» и показать, что он пуст².

Возвращаясь в 1991 год, отметим, что именно после провала «Большой сделки» В. Павлов представил депутатам ВС доклад о необходимости введения в стране чрезвычайного положения. Тогда его поддержали Д. Язов, Б. Пуго, В. Крючков. Это памятное заседание Верховного Совета стало прологом августовского путча. Интересно другое: если бы, допустим, у «западных партнеров» все-таки нашлось для СССР «каких-нибудь» 100 млрд долларов, судьба Союза, возможно, могла быть иной. А так получается, что августовский путч косвенно стал следствием жадности «коллективного Запада». Об этом прямо заявил Бушу в дни августовского кризиса премьер Канады Б. Малруни. Как бы то ни было, но по меткому замечанию С.В. Зубока, политическое будущее Горбачева теперь всецело зависело от поддержки Буша [Там же, 355].

Новоогаревский сговор (и его последствия)

На этом безрадостном фоне продолжалась подготовка нового Союзного договора. «Советский лидер, — пишет В.М. Зубок, — отказывался понимать, что подписание его не сможет решить основополагающие проблемы экономики и управления» [Там же, 347]. Более того, на наш взгляд, Союзный договор не мог спасти само государство. Ибо новое образование должно было зиждаться

² Егор Гайдар отвечает оппонентам, 1995 год // Youtube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=y1LDCnT7VPE> (дата обращения: 04.02.2024).

на прочном экономическом фундаменте (или же на четкой стратегии социально-экономических преобразований). Однако ни того, ни другого не просматривалось. Впрочем, сама модель, которую удалось выработать в Ново-Огареве, меньше всего напоминала федерацию и «тянуло» в лучшем случае на конфедеративное объединение. В книге упоминается о «тайной сделке» между Горбачевым, Ельциным и Назарбаевым, имевшей место в ходе последней закрытой встречи в Ново-Огареве. Суть ее заключалась в согласии президента РФ подписать СД в обмен на ряд существенных уступок со стороны союзного лидера.

После этой «тайной вечера» Горбачев перед телекамерами поспешил заверить сограждан, что будущая федерация станет правопреемником Советского Союза, а последний продолжит свое существование как великая мировая держава [Там же, 357]. Президент мог манипулировать общественным мнением до тех пор, пока 14 августа 1991 г. в Moscow News не был опубликован полный текст документа. И дело было не только в том, что Горбачев был расстроен внезапной утечкой, а в том, что Союзным договором были недовольны буквально все: российские демократы, упрекавшие Ельцина в том, что тот пошел на уступки Горбачеву (российский президент уже тоже начал колебаться), русские национал-патриоты, ответившие на документ известным «Словом к народу». Можно также добавить, что свое недовольство выразили лидеры пяти среднеазиатских республик, которых не устраивала налоговая система будущего государства, не позволявшая перекачивать союзные ресурсы в свою пользу [Лозо 2014, 87–88]. Неясной (скорее — отрицательной) оставалась позиция Украины, без которой новый союзный «пазл» не мог сложиться.

Ответом на сделку трех лидеров стали чрезвычайные меры со стороны союзной администрации, известные как августовский путч. В.М. Зубок отмечает, что сам путч носил какой-то «странно нерешительный, даже джентельменский» характер и меньше всего походил на намерение хунты установить жесткую военную диктатуру. Автор указывает на ряд фатальных ошибок членов ГКЧП: отказ от своевременного ареста Ельцина и других российских деятелей, а также неумение пользоваться телевидением — самым мощным оружием, которое оказалось в их руках. Вместо того, чтобы поставить телевидение на службу, путчисты невольно обернули его колоссальную силу против себя. После провальной пресс-конференции миллионы телезрителей, как пишет автор, «вместо безжалостной хунты... увидели кучку бесцветных бюрократов, не имеющих воли к власти». Но интересна реакция Запада. Изучив самые первые заявления лидеров США, Франции и ряда других стран, автор приходит к выводу о том, что «коллективный Запад» в общем и целом был готов признать хунту, но только при условии отсутствия массового кровопролития. При этом лидеры союзных республик (за исключением России и Молдовы) также заняли выжидательную позицию [Зубок 2023, 385–387].

Автор «Коллапса...» обстоятельно повествует о событиях, которые произошли в Москве 19–21 августа 1991 г. Здесь исследование ничуть не уступает фундаментальному труду И. Лозо «Августовский путч 1991 года. Как это было» [Лозо 2014]. Не вдаваясь в подробный пересказ многочисленных фактов и деталей, хотелось бы подчеркнуть очень важное суждение автора о том, что одним из главных факторов стратегического провала ГКЧП стала все та же экономика. Ибо «армия и силы безопасности не могли обеспечить урожай и доставить еду на столы советских людей» [Зубок 2023, 394].

Выходит, что путчисты, как и Горбачев, совершали одну и ту же ошибку. Но если президент СССР верил, что будущее Союза заключалось в новом политическом консенсусе республиканских элит, скрепленном Союзным договором, то члены ГКЧП уповали на силу принуждения, подкрепленную демонстрацией военной мощи. Однако в условиях умирающей экономики ни один из этих вариантов не имел шансов.

Таким образом, из всех закулисных сделок, заговоров и переворотов, которые преследовали Союз ССР перед самой его кончиной, наиболее успешным оказался контрпереворот Ельцина, который был учинен сразу же после провала «основного» путча. Однако этот сценарий мог сработать лишь при условии, что первые два варианта «спасения отечества» (компромиссный, который продвигал Горбачев, и силовой, который навязывали путчисты) потерпят фиаско. Впрочем, В.М. Зубок обращает внимание на то, что Ельцин лишь узурпировал полномочия Горбачева, но отказался занять его пост [Там же, 470].

«Дестройка» СССР

В книге подробно описываются последние месяцы существования Союза, когда были ликвидированы его главные скрепы: КПСС, Кабмин, Съезд народных депутатов, КГБ и т. д. Трещали по швам раздираемые по «национальным квартирам» советская армия и ВПК. Впрочем, это также могло стать прямым продолжением некоей генеральной тенденции, связанной с постепенным демонтажем институтов глобальной системы социализма. Так, еще до путча были ликвидированы ОВД, СЭВ, Госплан СССР. КПСС готовилась к своему внеочередному XXIX съезду, после которого компартия неминуемо должна была стать принципиально иной и, возможно, с совсем другим лидером. Однако Борис Ельцин, пользуясь случаем, решил не дожидаться окончания «болезненной трансформации» КПСС и «закрыв проект» досрочно. Поражает, с какой легкостью Горбачев отказался от партии, одоблив все антикоммунистические инициативы российского президента. Разумеется, у генсека был повод обижаться на своих товарищей из Политбюро и Секретариата ЦК, занявших в дни августовского кризиса выжидательную позицию. Но факт остается фактом: «отдав» КПСС, на которой держался политический консенсус республиканских элит, скреплявший призрачную советскую федерацию, Горбачев не смог продержаться у власти и полугодом. Республики моментально отреагировали на исчезновение «партийной скрепы» декларациями о государственной независимости. В авангарде этого процесса двигалась Украина. Киевские партийные боссы, как пишет автор, нацелились на колоссальные экономические и военные ресурсы, сосредоточенные на территории этой республики. Своим актом о провозглашении независимости украинская партийная элита хотела возвести барьер не столько против союзного центра, сколько против Ельцина, в котором видела реальную угрозу [Там же, 426].

В сложившейся ситуации у Горбачева оставался последний козырь. Президент СССР, пишет В.М. Зубок, позиционировал себя так, будто он единственный из высших чинов СССР, кто мог обратиться к Западу за финансовой помощью для спасения страны. Действительно, в книге столь подробно говорится о способности Горбачева выбивать «политические кредиты» из своих зарубежных партнеров, что невольно начинаешь сравнивать советского лидера с Остапом Бендером, знавшим «четыреста сравнительно честных способов отъема денег». Однако уже после встречи Горбачева с членами «Большой семерки» летом 1991 г. было очевидно, что и эта способность генсека-президента несколько притупилась: «Горбачев достиг лимита личного кредита» [Там же, 450].

Тем не менее Горбачев продолжал призывать Запад создать некий стабфонд на 10 млрд долл. для спасения советской экономики (и его лично). При этом правительство канцлера Г. Коля уже предоставило Горбачеву более 25 млрд марок (плата за объединение Германии), но президент СССР не мог объяснить, куда ушли деньги. «Здесь все исчезает», — «с удивительной беспечностью» заявил Горбачев госсекретарю США Дж. Бейкеру [Там же, 449]. Столь легкомысленные заявления едва ли могли обрадовать умеющих считать деньги западных кредиторов. Здесь возникает любопытная аналогия с известным заявлением Ельцина, когда в роли кредитора уже выступала Россия. На вопрос президента Чечни А. Масхадова, куда делись 800 млрд руб., выделенные на восстановление

республики, российский лидер лишь развел руками: «Черт его знает...»³. Бездумное расточительство «бездонных» государственных средств всегда являлось характерной чертой руководителей, сформировавшихся в эпоху застоя.

Тем временем Запад не собирался заниматься благотворительностью и тем более вкладывать деньги в обанкротившееся предприятие. Хотя тот же Дж. Бейкер, как и многие американцы, опасался неконтролируемого распада ядерной державы, а потому считал, что слабый Союз во главе с Горбачевым для США выгоднее, чем «непредсказуемая какофония независимых республик». Однако непреклонный Н. Брейди по-прежнему был хладнокровен и циничен. «Мы должны суметь устоять перед давлением и не выделять масштабной денежной помощи», — твердо заявил главный финансист США [Там же, 453–454]. И это, судя по всему, подействовало, по крайней мере на того же Бейкера, который ужесточил американскую позицию. Теперь условием предоставления масштабного кредита СССР должна была стать «экономическая революция» («шоковая терапия» на основе «Вашингтонского консенсуса»), плюс отказ от военной помощи Афганистану и Кубе. Что ж, и на это было получено принципиальное согласие Горбачева, на которого активно давил Ельцин, стремившийся получить признание американцев. Так, последние внешнеполитические активы СССР, как пишет Зубок, «были выкинуты на улицу, как мусор» [Там же, 456]. От себя лишь добавим, что вместе с этими активами «на улицу» было выкинуто и само государство, обеспечивавшее их ценность.

«И хватит этих “СС” ...»

Наконец перед нами предстают финальные события «величайшей геополитической катастрофы XX века» (Ново-Огарево-2, украинский референдум и выборы Л.М. Кравчука, «Беловежский саммит»). Не вдаваясь в подробный пересказ содержания последних глав, хотелось бы выделить несколько любопытных тезисов, которые зачастую ускользают из поля зрения других авторов. Например, говоря о президентской кампании Кравчука, Зубок отмечает, что последний сумел консолидировать разрозненный украинский электорат с помощью того же популизма, который активно практиковал его российский коллега. При этом Ельцин был рад воспользоваться неуступчивостью украинского лидера в переговорах с союзным центром как предлогом для срыва Союзного договора. Неудивительно, что российский президент одним из первых поздравил Кравчука с победой на выборах и признал итоги украинского плебисцита, тогда как даже американский президент, несмотря на давление, остался верен курсу «отсроченного признания» [Там же, 518].

В.М. Зубок обращает внимание на тот факт, что, отправляясь в декабре 1991 г. на переговоры в Минск, Ельцин подписал указы, фактически означавшие ликвидацию Советского Союза. Поэтому ни о каком спасении союзного государства в Вискулях речь просто не могла идти. В книге приводится характерная фраза российского президента, сказанная в Беловежье: «И хватит этих “СС”, понимаешь: СССР, КПСС, а теперь еще ССГ — Содружество Суверенных Государств...!» [Там же, 523]. Несмотря на, казалось бы, общую эйфорию, которую испытывали подписанты Беловежских соглашений, в книге передана крайне нервная атмосфера, которая витала в воздухе. Да и сами «пушисты», как пишет автор, хотя и настаивали на том, что на момент их встречи Советского Союза уже не существовало, вели себя так, «словно совершали ритуальное убийство» [Там же, 525] (эти действия больше походили на очередной госпереворот).

Крайне любопытным выглядит сюжет, связанный с позицией президента Казахстана Н. Назарбаева, который отсутствовал на переговорах в Вискулях, так как не разделял позицию «пушистов». Тем не менее Ельцин настаивал на том, чтобы Казахстан обязательно вошел в состав Содружества, поскольку там проживало 6 млн русских. При этом российский лидер хотел видеть

³ Тудоровский Я. Куда делись чеченские миллиарды? // Огонек. 1997. № 36. С. 19.

в СНГ только Казахстан без остальных «мусульманских» республик с его быстро растущим населением. Однако Назарбаев согласился присоединиться к СНГ только вместе с четырьмя остальными среднеазиатскими республиками. Более того, именно он настояла на «переучреждении» Содружества независимых государств в ходе грядущих переговоров в Алма-Ате. Очевидно, Ельцин все еще находился под сильным влиянием идей А.И. Солженицына и его статьи «Как нам обустроить Россию?», в которой писатель выдвигал идею создания союза трех славянских республик и Казахстана, но без остального «среднеазиатского подбрюшья». Но далеко не все на постсоветском пространстве разделяли взгляды известного писателя. Но и российского лидера можно понять. На переговорах в Алма-Ате 21 декабря 1991 г. лидеры четырех полунезависимых республик находились на тот момент в состоянии войны, а потому пытались заручиться военной и финансовой поддержкой Ельцина [Там же, 548]. Последнему же накануне радикальной рыночной трансформации меньше всего хотелось «влезать» в конфликты в странах ближнего зарубежья. Пройдет немного времени, прежде чем президент РФ осознает, что у России есть свои собственные интересы на постсоветском пространстве.

Заключение

К сожалению, формат рецензии не позволяет нам подробно останавливаться на всех сюжетах, которые рассматривает автор. Впрочем, это и не нужно (мы и так несколько увлеклись реферированием текста). Ибо любой, кто интересуется позднесоветской историей, просто не сможет пройти мимо этой монографии. В заключение отметим, что наиболее удачной стороной исследования В.И. Зубока, помимо таких достоинств, как фундаментальность, использование уникальных источников, объективный характер изложения, стала, на наш взгляд, попытка увязать внутреннюю политику М.С. Горбачева с его внешнеполитическими (по сути прозападными) ожиданиями. В отечественной и зарубежной историографии стало аксиомой утверждение о том, что Горбачев сильно обманулся в своих зарубежных (американских) партнерах. Проще говоря, «друг Джордж» просто «надул» своего «друга Майкла», заставив его «спустить» последние советские внешнеполитические активы, но при этом так и не заплатив ту ожидаемую сумму, которую Горбачев хотел вложить в «перезагрузку» СССР.

Лучше всего данную стратегию сформулировал Билл Клинтон, сменивший Дж. Буша на посту президента США в 1992 г. Клинтон, пишет В.М. Зубок, восхищался предшественником за сыгранную им роль «доброжелательного, внимательного и компетентного авиадиспетчера, который направлял Горбачева, пока тот пилотировал Советский Союз для мягкой посадки на свалку истории» [Там же, 566] (не даром во время Второй мировой войны Буш-старший был военным летчиком). Здесь нечего добавить. Единственный вопрос, который невольно всплывает после таких откровений: как при таких оценках участи СССР «друг Билл» воспринимал «друга Бориса» и само государство, которое представлял российский президент? Впрочем, автор косвенно отвечает и на этот вопрос: первый президент России, в отличие от Горбачева, никогда не был «ровней» для своих западных партнеров. Ибо последний все-таки был лидером супердержавы, а первый унаследовал лишь часть великого государства, выброшенного «на свалку истории». И все-таки, настаивает автор, если бы страны Запада во главе с США действительно хотели сохранить СССР, шанс на его выживание был довольно велик. Но «коллективный Запад» не стал вкладываться в распадающуюся державу ввиду давления восточно-европейских (антикоммунистических) диаспор, ставки на национальную безопасность, а также самой интенсивности революционных изменений [Там же, 569].

В.М. Зубок, в свою очередь, считает, что для советской системы больше подходил путь консервативной и авторитарной модернизации «в стиле Андропова». В книге не раскрывается

содержание подобной стратегаемы, но можно предположить, что речь идет о некоем «китайском варианте» радикальной экономической либерализации при сохранении политического контроля в руках КПСС. Итогом такого реформирования могло стать построение в СССР государственного (номенклатурного) капитализма. Действительно, среди бывших советских политиков и исследователей широко распространен миф о «просвещенном автократе-реформаторе», каким мог стать Ю.В. Андропов. Однако, на наш взгляд, подобные утверждения далеко не бесспорны.

Во-первых, вызывает сомнение готовность «генсека с Лубянки» проводить по-настоящему либеральные экономические реформы, которые неминуемо привели бы к резкому социальному расслоению. Во-вторых, если бы Андропов *все-таки решился*, мы не знаем, с какими рисками и вызовами ему предстояло столкнуться. Ибо исследователи любят говорить о неких «исторических альтернативах», априори подразумевая при этом развитие событий в более позитивном, чем это было на самом деле, ключе. При этом они зачастую упускают из виду, что альтернатива могла быть гораздо хуже даже самого драматичного, на первый взгляд, финала. Да и «тихий» номенклатурный капитализм, который потихоньку осваивала правящая элита при «позднем Брежнев» в виде коррупции и теневой экономики и который вот уже более двадцати лет «успешно» строит современная Россия, едва ли гарантировал СССР стратегический прорыв.

Конечно, не все суждения автора бесспорны (что вполне естественно для любого гуманитарного исследования). Тем не менее «Коллапс...» вносит существенный вклад в раскрытие проблемы союзной дезинтеграции. Исследование представляет собой важный элемент, дополняющий общую историографическую картину гибели СССР. Кроме того, книга В.М. Зубока дает ключ к пониманию современной российской политики, которая во многом направлена на то, чтобы избежать роковых ошибок перестройки.

Список литературы:

Ветер Перестройки — 2022: сб. материалов Второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. / под ред. А.Д. Матлина. СПб.: Скифия-принт, 2023.

Гуанпан С. Развал СССР и КПСС: взгляд китайского ученого. М.: Родина, 2022.

Ефимов Н.Н. Распад СССР. 1991 год. М.: Вече, 2021.

Зубок В.М. Коллапс. Гибель Советского Союза. М.: АСТ: ОГИЗ, 2023.

Зубок В.М. Неудавшаяся империя. Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.

Лозо И. Августовский путч 1991 года. Как это было. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

Маслов Д.В., Лазарева Л.Н., Суханова Н.И. Причины распада СССР: вопросы методологии исследования. М.: Политическая энциклопедия, 2022.

Плохий С. Последняя империя. Падение Советского Союза. М.: АСТ: CORPUS, 2016.

Plokhy S. The Last Empire. The Final Days of the Soviet Union. New York: Basic Books, 2015.

Taubman W. Gorbachev: His Life and Times. New York: Simon & Schuster, 2017.

Zubok V., Pleshakov C. Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Krushchev. Cambridge, Massachusetts, USA: Harvard University Press, 1997.

Zubok V.M. Collapse: The Fall of the Soviet Union. New Haven: Yale University Press, 2021.

References:

- Efimov N.N. (2021) *Raspad SSSR. 1991 god* [Collapse of the USSR. 1991]. Moscow: Veche.
- Guanpan X. (2022) *Razval SSSR i KPSS: vzglyad kitayskogo uchenogo* [The collapse of the USSR and the CPSU: The view of a Chinese scientist]. Moscow: Rodina.
- Lozo I. (2014) *Der Putsch gegen Gorbatschow und das Ende der Sowjetunion*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
- Maslov D.V., Lazareva L.N., Sukhanova N.I. (2022) *Prichiny raspada SSSR: voprosy metodo-logii issledovaniya* [Reasons for the collapse of the USSR: Questions of research methodology]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
- Matlin A.D. (ed.) (2023) *Veter Perestroyki — 2022: sb. materialov Vtoroy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 9–11 noyabrya 2022* [Wind of Perestroika — 2022: Collection of materials from the Second All-Russian Scientific Conference. St. Petersburg, November 9–11, 2022]. Saint Petersburg: Skifiya-print.
- Plokhy S. (2015) *The Last Empire. The Final Days of the Soviet Union*. New York: Basic Books.
- Plokhy S. (2016) *The Last Empire. The Final Days of the Soviet Union*. Moscow: AST: CORPUS.
- Taubman W. (2017) *Gorbachev: His Life and Times*. New York: Simon & Schuster.
- Zubok V.M. (2011) *A Failed Empire. The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev*. Moscow: ROSSPEN: "Fond Prezidentskiy tsentr B.N. El'tsina".
- Zubok V.M. (2021) *Collapse: The Fall of the Soviet Union*. New Haven: Yale University Press.
- Zubok V. (2023) *Collapse: The Fall of the Soviet Union*. Moscow: AST: OGIZ.
- Zubok V., Pleshakov C. (1997) *Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Krushchev*. Cambridge, Massachusetts, USA: Harvard University Press.

Дата поступления/Received: 20.02.2024